

ВЛАДИМИР ЗИСМАН
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
МУЗЫКОЛОГИЯ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
З-64

Серийное оформление и дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы иллюстрации
Евгении Двоскиной

З-64   Зисман, Владимир Александрович.
Занимательная музыкалогия для взрослых: [заметки] /
Владимир Зисман. — Москва: Издательство АСТ, 2025. —
441, [2] с. (Записки музыканта).

ISBN 978-5-17-147448-5

Эта книга обо всем — о том, как устроен мозг музыканта, о том, почему собственный голос так отвратительно звучит в записи, о том, что такое абсолютный слух, как устроена нотная запись, какие гигантские пласты информации можно извлечь из простой программки, которую вы купили перед концертом, о том, какой голос был у Чайковского и Толстого, и это я уж не говорю о том, что древнегреческие философы, которые только что были, казалось бы, все на одно лицо, станут для вас просто как родные.

И, кстати, я привел здесь далеко не все аргументы в пользу того, чтобы вы эту книгу прочли. Большая часть их находится именно в ней, в книге.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-147448-5

© Владимир Зисман, текст, 2022
© Евгения Двоскина, ил., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*С благодарностью посвящаю эту книгу
моей жене Оле, которая приложила
поистине титанические усилия для того,
чтобы до автора дошло,
что эта книга должна быть понятна
и интересна не только ему, но и читателю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«На самом деле все совершенно иначе, чем в действительности». Эту совершенно гениальную фразу однажды произнес мой преподаватель, читавший в институте цикл лекций по общественным наукам.

Думаю, что он и сам не понял тогда, что сказал. Но эти слова, достойные китайского учителя школы дзэн, запали мне в душу.

...Музыкой я начал заниматься еще тогда, когда других зубов, кроме молочных, у меня не было. То есть давно.

С тех пор я переиграл огромное количество музыкальных произведений и прочитал, пожалуй, не меньшее число книг о музыке. Но лишь теперь я озадачился тем, как же это все выглядит на самом деле. И обнаружил, что мой преподаватель был абсолютно прав — разница кардинальная.

Владимир Зисман

В сущности, все сводится к одной простой вещи — надо просто время от времени задавать себе детский вопрос «почему». И обязательно настаивать на ответе. Результат получаешь вполне ошеломляющий. Особенно в тех случаях, когда еще минуту назад было все абсолютно понятно. Ты вдруг начинаешь понимать, что «на самом деле...».

Собственно, книга именно об этом. То есть, разумеется, о музыке, как и было заявлено. Но о музыке так, как на самом деле, а не так, как казалось до этого, то есть всю сознательную жизнь.

Думаю, книга будет интересна профессионалам, то есть людям, извлекающим прямую материальную выгоду от любви к музыке. Интересна хотя бы в силу того, что нет ничего приятнее, чем читать книгу о себе и хорошо знакомом предмете, между делом обнаруживая некоторые неожиданности в том, что, казалось бы, только что было очевиднее некуда.

Но не менее я уверен в том, что книга будет интересна и самому широкому кругу любителей музыки. Потому что в ней есть ответы практически на все вопросы, касающиеся этого интересующего нас предмета. Я в этом убежден по одной простой причине — когда мне сейчас попадают какие-нибудь вопросы или даже просто реплики, относящиеся к музыке — это вызывает у меня нескромную, я бы даже сказал, само-

довольную реакцию: «О! И про это в моей книге тоже написано».

Не то чтобы мне на этот раз наконец удалось объять необъятное, но попытку можно полагать засчитанной.

Одних только действующих лиц здесь не меньше, чем в иной телефонной книге. Это неандертальцы, кроманьонцы, древние греки, римляне, египтяне, шумеры, китайцы, марсиане, рептилоиды и многие другие народы и существа, двадцать детей Иоганна Себастьяна Баха и четырнадцать Иоганна Штрауса-отца, это Шеллинг, Кант, Фрейд, Лейбниц, ученые, композиторы, изобретатели, художники, писатели, фараоны, императоры...

И даже два персидских шаха.

Я уж не говорю о животных — мухи, львы, орлы и куропатки... Впрочем, нет, львы, орлы и куропатки — это Чехов. А мухи — Довлатов. Зато у меня есть мамонты, кабаны, пауки с мохнатыми лапами, птица дронт, кошки, собаки и киты. Да что киты! О глубине проработки материала может говорить то, что автор докопался даже до мышей. Пусть и летучих на этот раз.

Думаю, вы уже поняли, что эта книга обо всем — о том, как устроен мозг музыканта, о том, почему собственный голос так отвратительно звучит в записи, о репродуктивной функции музыки и ее вкладе в непрерывность демографического цикла, о том, что такое

Владимир Зисман

абсолютный слух, как устроена нотная запись, какие гигантские пласты информации можно извлечь из простой программки, которую вы купили перед концертом, о Фрэнсисе Бэконе, который в начале XVII века описал современную студию электронной музыки, о том, какой голос был у Чайковского и Толстого, и это я уж не говорю о том, что древнегреческие философы, которые только что были, казалось бы, все на одно лицо, станут для вас просто как родные.

Более того, вы узнаете о несовершенстве этого мира и о способах борьбы с неудобствами, которые от этого несовершенства возникают.

И, кстати, я привел здесь далеко не все аргументы в пользу того, чтобы вы эту книгу прочли. Большая часть их находится именно в ней, в книге.

То, что заглавие книги говорит о том, что она написана для взрослых, никоим образом не предполагает, что ее нельзя читать и детям. По крайней мере, глава о большой и чистой любви богомоллов написана достаточно целомудренно. Никто, разумеется, не отрицает того, что самка богомола действительно откусывает своему возлюбленному голову. Но, во-первых, это излагается без излишнего натурализма, а во-вторых, такие идиомы, как «оторвать голову» или «вынести мозг», и у людей возникли не на пустом месте.

И все же эта книга предназначена для взрослых. Для тех замечательных и крайне симпатичных мне взрослых, у которых мозги не просто хранятся в аккуратной подстриженной шкатулке, а тех, кому знакомо то сладостное чувство, когда вдруг становится слышно шуршание или даже скрежет собственных мозгов, приходящих в движение.

О чем эта книга

Естественно, как только книга была написана, я сразу же попытался понять, о чем же она. Хотя бы для того, чтобы по возможности внятно написать предисловие. Потому что предисловие, как и оперную увертюру, пишут тогда, когда все остальное уже готово, то есть в самую последнюю очередь. Ведь и то и другое — своего рода трейлер. Не зря в классической опере самые существенные и лучшие музыкальные темы вынесены в увертюру — вспомните, к примеру, «Норму» Беллини или «Князя Игоря» Бородина. И в принципе, через десять минут после начала оперного спектакля настоящего меломана в зале уже ничто не удерживает, поскольку в том, что касается музыки как таковой, сюрпризов уже не предвидится.

То же и здесь — если в предисловии максимально полно и точно сформулировать содержимое книги, то это может уберечь потенциального читателя от совершенно неоправданной потери времени.

Владимир Зисман

Пределльно кратко это выглядит так — «Занимательная музыкология» — книга о том, что музыка — это эмоционально постигаемое нами проявление объективных основ нашего мира. В первую очередь математических, а во вторую — всех остальных.

Если попытаться перевести эту далекую от афористичности формулировку на человеческий язык, то она прозвучит следующим образом — эта книга о том, о чем вы всю жизнь хотели спросить, но вам было просто некогда.

Поэтому мы вместе с вами не спеша рассмотрим вопросы жизни и смерти, выпивки и закуски, мажора и минора, поговорим о мамонтах и собаках, о китайцах и древних греках. Мы даже обсудим основы музыкальной теории в объеме, не сильно портящем настроение.

Ведь музыка так устроена, что стоит лишь потянуть за веревочку...

Попытка рассказать о музыке больше всего напоминает деятельность фокусника-иллюзиониста — разница лишь в том, что он-то знает, что вынет из цилиндра, а я нет. Вот передо мной шляпа с музыкой, и я туда засовываю руку, но вынимаю то голубя, то кролика, то красную ленточку, то бутылку кефира, то дирижерскую палочку вместе с рукой дирижера, то просто набор абстрактных понятий, которые не то что увидеть, понять без бутылки кефира невозможно.

Да нет, это была не метафора. Я вам буду рассказывать о музыке, а вы столкнетесь в результате с физикой, математикой, историей, акустикой, философией, географией, нейропсихологией, антропологией, анатомией и физиологией, хироптерологией наконец...

А что делать? Иначе никак...

Эта книга скорее повествование, чем научно-популярная литература в привычном виде. Монолог акына в жанре литературно-музыкального стендапа. И если вы будете читать ее не спеша, размеренно, ставя целью не знания, но наслаждение, не исключаю, что книга доставит вам удовольствие.

Владимир Зисман

Думаю, что аннотацию к этой книге должна венчать следующая фраза: «Книга написана культурным, но доступным языком».

Покаянное обращение к читателю

Решено было не допустить ни одной ошибки.
Держали двадцать корректур, и все равно
на титульном листе было напечатано:
«Британская энциклопудия».

И. Ильф. Записные книжки

Как-то раз меня попросили написать текст к программке концерта. Написать о произведениях, которые должны были исполняться. Лаконично, но не отказывая себе в удовольствиях. Программка вышла на славу.

И лишь через несколько лет совершенно случайно обнаружилось, что Надежду Филаретовну фон Мекк, сыгравшую столь большую роль в жизни П. И. Чайковского, я в программке назвал Надеждой Ферапонтовной. Что посетило в этот момент мою несчастную голову, ума не приложу. То ли Муза накатила более обычного, то ли Пегас что-то не то съел...

Я к тому клоню, что простите меня, люди добрые, если что не так!

Несколько дополнительных аргументов за то, чтобы все-таки прочитать эту книгу

Кстати, очень правильная традиция — говорить притчами. Советы все равно никто не слушает, а притча — это тот же совет, но оставляющий иллюзию свободы выбора. Поэтому педагогический эффект от притчи совсем иной.

В общем, мое дело намекнуть, ваше — понять мой намек правильно.

Итак, цикл намеков на чужих примерах.

Литература

На три строки хокку Мацуо Басе (1644—1694) приходится три страницы комментариев, из которых узнаешь не только об ассоциативных рядах автора и средневековых реалиях, но и, скажем, о важности графической ритмики иероглифов.

Облака вишневых цветов!
Звон колокольный доплыл... Из Уэно
Или Асакуса?

Ты читаешь трехстишия Басе, комментарии к ним, потом, обогащенный новыми знаниями, возвращаешься обратно к хокку, продолжая ощущать свою глубокую и невосполнимую ущербность...

Владимир Зисман

Зато какой несравненный кайф ловишь, когда случайно натыкаешься на эти строки через много лет после того, как ты однажды прошел весь этот путь пешком — из Уэно в Асакусу и, кстати, тоже весной. Совершенно случайно так получилось. И тогда хотя бы частично понимаешь, о чем идет речь.

Да, но это средневековая японская поэзия, а когда читаешь «Евгения Онегина», то, если не знать о существовании комментариев Ю. М. Лотмана, возникает иллюзия, что вроде все понятно и так.

И такая же обманчивая иллюзия возникает, между прочим, когда слушаешь Моцарта или даже Чайковского.

Обманчивая.

Археология

...И вот, возделывает этот египетский феллах свой кусок поля. Был бы это не 1887 год, а столетием раньше, выбросил бы он к чертовой матери эти грязные осколки глиняных плиток, которые только мешают вскапывать землю. А нынче-то, в восемьдесят седьмом году девятнадцатого века, крестьянин грамотный пошел. Он знает, что это не просто глина, облепленная землей, а глиняные таблички и за них можно выручить неплохие деньги. А если табличку расколоть киркой, то это уже две таблички, и их можно продать отдельно.

Это я вам пока описал два уровня познания. А вот и третий.

Приблизительно триста таких табличек с клинописью, найденных близ Эль-Амарны, составили значительную часть архива дипломатической переписки середины XIV века до нашей эры между египетским госдепом и соседними государствами. А клинопись использовалась потому, что в те времена вавилонский язык был международно признанным языком дипломатии.

Патологоанатомия

Про все радости познания, которые доступны судмедэксперту, и говорить не буду. Хотя в этом месте для ясности и в качестве иллюстрации не грех процитировать Пушкина.

«Музыку я разъял, как труп», — гордо сказал Сальери в почти одноименной маленькой трагедии. Мы это с подачи Пушкина воспринимаем с некоторой долей осуждения, но нельзя отрицать, что Антонио Сальери узнал таким образом действительно много нового и чрезвычайно интересного. Причем в данном-то случае речь идет исключительно о метафоре и художественном образе.

Но я вас уверяю, что там, где может показаться, что перед вами тривиальный покойник, патологоанатом увидит много интересного, а быть может, даже и смешного.